

Можно ли писать историю объективно?

Энн Тарвел

Да! Можно и нужно, но исходя при этом из своих субъективных предпосылок. Исследование истории и написание истории далеко не тождественны. Написание истории – это то, что делает историю, то есть воссоздает и актуализирует картину прошлого, составляет нарратив, рассказ, без которого невозможно представить исторические факты. Однако написание истории, исследование истории и преподавание истории неразделимы, это триединство. Исследование истории должно быть основой написания и преподавания.

Карл Ясперс утверждал, что современную науку характеризует универсальность категорий и методов, заключающаяся в том, что по любому исследуемому объекту ставится проблема, которая разрешается в ходе исследования и проверки. Для этого следует освоить метод исследования и осознать границы знания. То же касается и исторических исследований, при этом существенно единство в подходе к методологическим проблемам.

Общепринятым постулатом является то, что историческое исследование (и его результаты) должно быть объективным, т.е. всеобщим, дельным, беспристрастным, правдивым, нейтральным, вне нарратива исследователя (и историка) и существующее вне зависимости от него. Поль Рикёр формулирует понятие ожидаемой действительности таким образом: объективно то, о чем разработано, организовано и обосновано методологическое мышление, а также то, что может объяснить это понимание. Необходимость объективности необсуждаема. Само собой разумеется, следует придерживаться правил обычной логики и общепризнанной методологии исследования, а источники следует отбирать и использовать объективно и искренне, не лукавя. Иначе исследователь не может называться честным и объективным. Но при этом в принципе невозможно писать т.н. объективную историю, не зависящую от активного участия самого историка, его позиций и установок.

И в границах, установленных общими правилами логики и использованными источниками, объективный историк имеет обширное игровое пространство. Источники сами по себе не выстраивают историческое знание. Историческое знание не рождается без основополагающего вклада исследователя. Этот вклад начинается с отбора при постановке проблем, когда определяется, что вообще может быть достойно знания (и повествования). Это означает создание системы ценностей. Исследователь строит ясное, осознанное и структурированное знание. Принципы отбора и организации этого знания и есть система ценностей. Методы и техники исследования – это средства и пути ответа на вопросы. Но прежде чем начинать отвечать, следует поставить вопросы. Их постановка, важность и последовательность также определяются системой ценностей.

Далее исследователь должен дефинировать понятийный аппарат, которым он пользуется, иначе его исследование останется непонятным. Потом он переходит к созиданию исторических или историографических фактов. Исторический факт – это созданная

исследователем реконструкция, а не голое событие истории, часть исторической действительности. На создание такого историографического факта в свою очередь влияют различные объективные социальные и субъективные условия и предпосылки. Историк является создателем исторического факта, а отраженная в его повествовании историческая действительность состоит из исторических фактов. Таким образом, факт является не отражением обстоятельств в чистом виде, но реконструкцией исторической действительности, созданной как на основе информации из источников, так и информации, почерпнутой вне источников. Далее факты выстраиваются по степени их важности. Здесь снова проявляется влияние субъективных предпочтений, исходящих из системы ценностей: исследователь определяет удельный вес различных факторов, степень их важности в общем комплексе связей. Наконец, исследователь принимает решение о достаточности доказательств, обосновывающих его тезис, что в свою очередь опять зависит от системы ценностей. Обычно имеется множество обстоятельств и косвенных доказательств, которые можно приводить до бесконечности.

Ясно, что объективно существующей системы ценностей нет. И даже чисто, теоретическое научное понимание истории не свободно от социальных и национальных предубеждений и предпосылок. Исследователь может быть объективным лишь на уровне современной ему научной мысли, но на него неизбежно влияет подсознание. Для серьезных историков это, конечно, не означает циничного прагматизма. Это значит, что исследователь неизбежно связан с наследием некоей культурной среды, с принципами и понятиями, которые определяют его самосознанием. Объективность принципиально невозможна в том смысле, что невозможно осознавать и рассказывать историю вне зависимости от мировоззрения историка. Избежать субъективности невозможно, поскольку невозможно избежать участия исследователя. Однако субъективности не следует бояться, даже если она питается эмоциями, когда, например, исследователь внутренне осуждает нарушение общепризнанных моральных норм. Поль Рикёр подчеркивает, что объективность истории связана с субъективностью историка. Оценка важности произошедшего, комплекс каузальных схем, перенос в другое, воображаемое настоящее, симпатия к другим людям и ценностям, способность найти ближнего в прошлом – все это привносит в субъективизм историка богатство нюансов. Рикёр говорит, что нет истории без ежедневной субъективности, без инициативы исследовательского «Я». Невозможно, например, исследовать и представлять ближайшую историю Эстонии так, чтобы она казалась объективной с точки зрения всех этнических и социальных групп и с позиций всех соседних стран.

Можно привести пример, косвенно соотносящийся с ближайшей историей Эстонии, – трагтовку конкретного исторического события. Как известно, эстонские миротворцы служат в Ираке в составе 7-й конной дивизии США. 25 июня 1876 г. в нынешней Южной Дакоте в окрестностях реки Литл Биг Хорн произошло сражение, в котором шайены и дакоты разбили один полк этой дивизии, которым командовал генерал-лейтенант Джордж Армстронг Кастер. Как объективно исследовать, анализировать, оценивать это историческое событие? В 1886 г. на поле боя установлен памятник генералу Кастеру и его погибшим сородникам – *National Monument*. Ясно, что дикие индейцы противостояли прогрессу и цивилизации, строительству железных дорог, добыче ископаемых. Но я не уверен, что понимание истории индейцами совпадает с вышесказанным. И я не вижу причин игнорировать или считать необъективным их понимание.

Русская национальная историческая наука всегда безраздельно служила интересам российского империализма. И не только в области политической или военной истории, но и в нейтральных на первый взгляд областях, например, в аграрной истории. Корифеи русской аграрной истории – Н. В. Устюгов, В. И. Шунков и др., в пенсне и с интеллигентскими бородами клинышком, – изучали историю колонизации окраин России в XVIII в.

Они описывали, какие там были плодородные пашни, богатые леса, пастбища и воды, вот только русское население беспокоили постоянные набеги башкир и им подобных. Лишь активное вмешательство властей, обеспечивавших безопасность новопоселенцев, позволяло интенсивно колонизировать тамошние земли русскими крестьянами. Такое понимание истории России – полное неприятие прав и страданий других нерусских народов, игнорирование их истории в этой великой державе – и сегодня является официальной и непоколебимой позицией.

Даже чисто научная историческая трактовка имеет не только универсальные гуманные и моральные предпосылки, но также и социальные и национальные аспекты. Их невозможно избежать, и их не следует пытаться избегать или стыдиться. Хейден Уайт писал: «Историческое исследование как специфическое явление возникло не столько из потребности установить, как происходили известные события, но из желания определить, что эти события могут означать для конкретной человеческой группы, общества или понимания культурой целей момента и перспектив на будущее».

Те, кто интересуется прошлым малого народа, принимая чужую национальную позицию, иногда искренне верят в свою научную объективность. Они представляют себе, что действительно существует некое чисто научное, общечеловеческое, общеморальное, общегуманное понимание истории. Поль Рикёр использует выражение «соблазн ложной объективности». Выясняется, что позиции, представляемые универсальными, гуманными, демократичными и т.п., в действительности – завуалированно или совершенно открыто – представляют очень узкие интересы. Будь то политики или историки, они исходят из конкретных установок, из чьих-то чисто государственных или национальных интересов. Особенно поучителен пример Союза Советских Социалистических Республик, в котором особенно агрессивный российский империализм и чудовищный государственный терроризм прикрывались и декорировались благородными социальными лозунгами.

Не следует пресмыкаться перед чужестранным – советским (читай русским), немецким, европейским или американским – пониманием истории, нам следует исходить из своих национальных интересов. Примеры можно приводить из далекого или недалекого прошлого. Если речь идет о крещении и покорении Ливонии и Эстонии в XIII веке, то немецкая (как остзейская, так и рейхс-германская) историография видит в нем распространение христианства, регулируемых государственных отношений, западного образования и т.п. на далекий Северо-Восток Европы. Естественно, точка зрения иконных народов особенно не замечается. Но в то же время никогда не рассматривается и правовая сторона покорения и крещения. Теоретически католическая церковь требовала сохранения за новообращенными личной свободы и права собственности (в том числе на землю). С точки зрения существовавших церковного и гражданского права и морали, не было никаких легальных оснований нарушать эти права, как это крайне быстро происходило в действительности.

В 1919 г. в Эстонии, в 1920-ом в Латвии и Литве провели земельную реформу, в ходе которой помещичьи земли были экспроприированы и поделены – в основном между безземельными крестьянами. В последнее время в Эстонии в высказываниях на исторические темы звучат голоса, осуждающие этот насильственный шаг с точки зрения морали и права. С точки зрения остзейского дворянства, это очень правильно: ни один землевладелец не приобретал имение иначе, как купив или получив в наследство. Но ясно и то, что без этой реформы, проведенной Учредительным собранием, Освободительная война и само существование Эстонского государства могли бы сложиться совершенно иначе. Понимание истории, осуждающее нарушение элементарных прав собственности и основ человечности, здесь означает ни что иное, как переход на немецкие позиции, резкое противостояние эстонскому национальному пониманию, согласно которому земельная

реформа морально оправдана и политически неизбежна. Компромисс исключен, и вряд ли здесь стоит вообще размахивать мерилom объективности.

Понимание и уважение всех интересов и позиций приводит к отрицанию национальных интересов, к нигилизму, настоящему национальному мазохизму. Некая дама, член партии *Res Publica*, декларировала в газетном комментарии на историческую тему: «Обязательно следует учитывать мнение двух богатырей – России и Америки. В этом и состоит боль и очарование бытия малых народов. Простим же и осмыслим произошедшее». Вероятно, эта дама была искренне уверена, что она оригинально и глубоко осмыслила ближайшую историю своей родины. На самом деле, это выразительный пример сильного идеологического и политического давления на наших политиков и историков. На родине в этом выражается влияние недавней долгой идеологической обработки, упорная и умелая борьба властелинов за сохранение своих позиций, последствия недавнего оккупационного периода в умонастроениях; вне Эстонии это выражается в неустанной претензии великого дружественного соседнего государства на монополию в трактовке исторической правды, – а наряду с этим сохраняется страх, что западным демократиям все равно не понять наших проблем, поэтому мы, ради Бога, должны о них молчать.

Говоря об объективности исследования истории, нельзя забывать, что политические основы и принципы современной истории определены в 1945–1946 гг. в Нюрнберге. Принципы справедливости и морали государств-победителей в первые послевоенные годы позволяли избегать обсуждения ответственности Советского Союза за подготовку агрессии и военные преступления. Осенью 1945 г., до начала деятельности Международного трибунала, союзники договорились ни в какой связи не обсуждать во время заседаний трибунала действия СССР (в т.ч. секретный протокол пакта Молотова-Риббентропа, массовое убийство в Катыни и пр.). С тех пор и до сего дня в Европе и мире действуют два понимания истории: понимание победителей и побежденных. Как недавно писал Яан Тамм, то, что один палач (Сталин) помог уничтожить другого (Гитлера), словно бы навеки стало индульгенцией для сталинизма. Катрин Аава поясняет, что в трактовках прошлого и будущего (в нарративе, мифе, историческом повествовании и исторических предвидениях), используемых в обыденной политической и идеологической обработке, происходят заметные изменения. Нарратив победителей Второй мировой войны очень долговечен и живуч. Особенно крепко держались за него СССР и его правопреемник, а также евреи. Однако история Восточной Европы, в том числе и стран Балтии, не вмещается в рамки этой исторической истины.

Для беспристрастного, объективного понимания ближайшей истории стран Балтии необходимо понять контекст. Следует тщательно учитывать и привлекать все источники, не упустив чего-либо, что могло бы повлиять на результаты исследования, ничего не замалчивая. Однако при изучении новейшей истории не стоит доверять источниковедческому принципу плюрализма, т. е. считать, что если в источниках много совпадающих свидетельств, то это, якобы, автоматически ведет к повышению уровня достоверности. В судебных и следственных делах общества террора могут быть десятки совпадающих показаний, однако это еще ничего не доказывает.

Кроме источников, важно учитывать все позиции и все возможные точки зрения. Нетерпимость и нетолерантность исследователя недопустимы. Для догматичного мышления и понимания истории всякая мысль, отличная от собственной, априори неверна. Другая трактовка даже не обсуждается. Однако ни один ход мыслей нельзя назвать бессмысленным, пока он всячески не взвешен, исходя из всевозможных аспектов и систем ценностей. Это не означает, что следует выписывать подряд все трактовки и концепции, думая, что это и есть историческое исследование. Разумеется, их надо тщательно учитывать и анализировать. Однако и голая переоценка фактов, когда в некоем нарративе меняют плюсы на минусы, еще не есть научное историческое сочинение. Так работала так

называемая марксистская историческая советская наука в Прибалтике в 1940-е и начале 1950-х гг. до тех пор, пока постепенно к некоторым проблемам не стал применяться научный подход. (В этой связи нельзя не заметить, что классическая перестановка плюсов и минусов в исторических трудах и сегодня не чужда некоторым историкам).

Знакомство с исследованиями и их результатами не только западных, но и наших ближайших соседей, нам крайне необходимо. Польский историк Чеслав Мадайтчик (директор Института истории Польской академии наук в 1970-е гг.) утверждал, что коллаборационизм с гитлеровской Германией в Прибалтике основывался на личных амбициях политических лидеров и на вере в пропаганду национал-социалистов. Однако он не учитывал объективных причин готовности к коллаборационизму – устрашающий кровавый год недавней оккупации Эстонии Советским Союзом.

Исследование истории, особенно ближайшей, и его результаты не должны становиться рупором партийной или государственной политики. Но, с другой стороны, невозможно игнорировать уроки истории (читай – ближайшей истории) в принятии политических решений. Взять хотя бы обсуждение вопроса, должны были или не должны президенты прибалтийских республик принять участие в параде Победы в Москве в мае 2005 г. Там, действительно, можно было продемонстрировать миру тот факт, что у стран Балтии своя история и выраженные в ней свои национальные интересы. Оказалось, что внешнеполитическая мудрость состоит только в том, чтобы стараться угадать, что могли бы подумать о нас и нашей истории члены бывшей антигитлеровской коалиции на востоке и западе. Мы далеко не уедем, продолжая переводить учебники истории XX века для эстонских школ с русского языка. Эти учебники, кстати, нельзя упрекнуть в том, что они мало учитывают русские национальные интересы.

Иногда проблемы видятся примитивно, только в черно-белых тонах, ограничиваясь выбором между коллаборационизмом и сопротивлением. В действительности же существовало множество вариантов. Латвийский историк Антонис Зунда классифицировал формы коллаборационизма следующим образом: нейтральный, полный, условный, тактический. Условный коллаборационизм означает, что коллаборационист не отождествляет свои цели с целями оккупанта. Тактический и условный коллаборационизм в оккупированной Германией Прибалтике существенно отличался от коллаборационизма в Норвегии, Голландии или Франции. Сотрудничество с оккупантами, целью которого была попытка обеспечить самое элементарное выживание народа, следует отделять от сознательного сотрудничества из идеологических принципов. Вопрос надо рассматривать, помня недавней и вновь угрожающей советской оккупации и ее жертвах.

Исследование истории нередко вызывает соблазн обсудить возможные альтернативы. Конечно, невозможно одобрить необоснованные спекуляции на уровне застольной беседы, но нельзя безоговорочно осуждать построение некоей мысленной модели, основанной на конкретных фактах (особенно цифровых данных). Если имеется достаточная база данных, можно с определенной долей вероятности делать выводы о возможных направлениях развития.

Вариант нейтралитета был для народов стран Балтии невозможен ни в политическом, ни в этическом аспекте. На государственном уровне этот вариант был уже опробован, когда в начале войны прибалтийские государства заявили о своем нейтралитете. Каждое существо и каждое сообщество имеет право на свою защиту. Каждый народ имеет право на самоопределение, развитие, мир и безопасность. Отсюда естественно вытекает и право на сохранение самобытности и самосознания. Пикантный факт: положение о таком международно признанном праве впервые зафиксировано лишь в 1981 г. в Африканской хартии человеческих прав и прав народов (*African Charter on Human and People's Rights*). Народ как этническое сообщество ранее, видимо, не привлекал внимания законодворцев, будучи заслонен правами человека и правами государств.

Ни малые ни крупные государства и народы не были свободны в выборе союзников. Перед Финляндией осенью 1939 г. стоял выбор – покорение или сопротивление. Сам Господь Бог помог финнам пойти по пути сопротивления, а не бескрайней предусмотрительности государственных мужей, которые, думая, что, затягивая переговоры, сумеют выторговать лучшие условия для уступок, не могли предвидеть, что товарищ Сталин окажется настолько упорен и резок. Позже, после Зимней войны, Финляндия могла либо остаться нейтральной либо склониться в сторону СССР или Германии. О выборе, конечно, можно говорить лишь в кавычках. Как и в 1939 г., не было никакой возможности сохранить нейтралитет (та или другая страна напала бы все равно), альтернативой советским ужасам было лишь внешнеполитическое и военное сближение с Германией. Та же Великобритания, с особой симпатией относившаяся к защищающей себя Финляндии во время Зимней войны, под давлением Сталина объявила 6 декабря 1941 г. войну Финляндии. Стоит напомнить, что это был не простой день, а 24-я годовщина Финской Республики. К чести США надо отметить, что они Финляндии войну не объявляли, лишь прервали с ней 30 июня 1944 г. дипломатические отношения.

У представителей народов стран Балтии, воевавших во Второй мировой войне против Красной армии, не было и этой свободы выбора союзников. В этот момент у них не было своей государственности, они носили чужие мундиры, будь то немецкой или финской армии. По оценке латвийского историка Инесиса Фельдманиса, лишь около 15% эстонских и латышских солдат в немецкой армии были действительно добровольцами. Однако нельзя не напомнить, с какой чрезвычайной активностью выполнялся приказ германских властей и коллаборационистского самоуправления о мобилизации в феврале 1944-го, когда родина была в настоящей опасности.

Действия этих солдат, направленные против одного из членов антигитлеровской коалиции, оцениваются в историографии в целом критично и осуждаются. Не только советские и западные историки, но и некоторые эстонские историки и публицисты считают, что вооруженная борьба против Советского Союза в странах Балтии была глупой авантюрой и бессмысленным кровопролитием. Сторонники теории нейтралитета выдвигают потрясающий аргумент: борьба на стороне Германии против Красной армии раздражала западных союзников и уменьшила их поддержку и симпатию к народам стран Балтии.

Норман Дэвис в своей книге «Восстание 1944 года. Битва за Варшаву» дает хорошее описание мнений и позиций руководящих государственных мужей Запада. У Черчилль и другие были людьми XIX века: они знали и признавали Бельгию и Нидерланды и их права, но на востоке они знали только Россию. Генерал Монтгомери спросил в 1944 г. у одного польского военного: «Скажите мне, генерал, народ в Варшаве говорит сейчас по-русски или по-немецки?» Монтгомери был умный человек и знал, что в его молодости Варшава была русским городом, затем, в 1915-ом – немецким, а с 1939 г. снова немецким. А ведь речь шла о Польше, первом союзнике Великобритании в начале Второй мировой войны, о Польше, бывшей чем угодно, но не малой страной. Неудивительно, что при таких обстоятельствах в 1944 и 1945 гг. западные союзники поддерживали Польшу весьма умеренно.

Уинстон Черчилль делил европейские государства на гигантов и карликов. Гиганты, великие державы, вели войну и решали судьбы народов. Принципы британской внешней политики прекрасно сформулированы в пояснении государственного секретаря Кристофера Мэйхью в нижней палате парламента 29 мая 1947 г.: «[...] принципы Атлантической хартии нельзя было применить к странам Балтии, поскольку действующие мирные отношения между ведущими державами мира приобрели первостепенное значение и сделали невозможным всякое восстановление независимости Балтии».

Ф. Рузвельт и У. Черчилль 14 августа 1941 г., в самые горячие для Эстонии дни войны, сформулировали принципы Атлантической хартии – право всех государств на

самостоятельность, сохранение довоенных государственных границ, право народов свободно выбирать режим правления. Немецкие оккупационные власти сумели за несколько недель с предельной ясностью продемонстрировать народам Прибалтики, что ждать от Германии восстановления независимости ни в каком виде не приходится. Если не подходить к современному историческому опыту задним числом, нельзя сказать, что попытка избежать повторения советской оккупации, надеясь на незыблемость предвоенной благородной Атлантической хартии, была глупой и бессмысленной. Когда в Тегеране (28.11.–01.12.1943) Ф. Рузвельт признал право собственности товарища Сталина на Прибалтику, зафиксированное в секретных протоколах пакта Молотова-Риббентропа, он сделал это не из каких-то абстрактных гуманистических идеалов, а, разумеется, исходя из тогдашних внешнеполитических интересов своей нации (государства). Нельзя забывать также и того, что вряд ли во время войны в Прибалтике кто-то поверил или посмел предугадать что-то подобное. Слова царя Давида (псалом 145), которыми известный летописец новой истории Бальтазар Руссов предостерегал во время русско-ливонской войны, звучат как вечная и неколебимая моральная максима: «Не надейтесь на князей – сынов человеческих, нет в них спасения».

Мы не должны бояться своей истории, в том числе и ближайшей. Мы не должны стремиться любой ценой придерживаться общераспространенных в Европе и в мире концепций новейшей истории, судорожно избегая подходов, основанных на своих собственных национальных интересах. Такая точка зрения не уменьшает научности или объективности. Надлежащая объективность достигается не замалчиванием своих национальных интересов и позиций, но объективным всеобъемлющим отбором источников и последовательным применением выбранных принципов и методик исторического исследования и законов логики.

Энн Тарвел

1932

Доктор исторических наук (1972), член Королевской академии Густава Адольфа (1994), иностранный член Латвийской АН (1995).

Область исследований: история Эстонии от древности до современности.

tarvel@hotmail.ee